Дата поступления рукописи в редакцию: 06.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-53-60

ЛУКАШЕНКО Карина Евгеньевна,
Омская академия МВД России, Омск, Россия,
e-mail: karinalukashenko01@mail.ru

Научный руководитель:
ДЕЖНЕВ Александр Сергеевич,
профессор кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор,
e-mail: omsk-das@mail.ru

ДОПУСК И ОТСТРАНЕНИЕ ЗАКОННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемные аспекты правового регулирования функции законного представительства в уголовном судопроизводстве России. На основе анализа норм УПК РФ, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и научных доктринальных подходов исследуются вопросы момента допуска законного представителя несовершеннолетнего, разграничения категорий «недопуск» и «отстранение», а также оснований для применения этих мер. Автором выявлен нормативный дисбаланс, выражающийся в позднем допуске законного представителя, что не обеспечивает защиту прав несовершеннолетнего на ранних этапах судопроизводства. Обосновывается необходимость законодательного закрепления более раннего момента допуска, дифференциации процедур «недопуска» и отстранения. В заключение предлагаются конкретные изменения в статью 426 УПК РФ, направленные на повышение уровня гарантий прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовном процессе.*

Ключевые слова: *законный представитель, несовершеннолетний, уголовное судопроизводство, допуск, отстранение, защита прав, законные интересы, конфликт интересов.*

LUKASHENKO Karina Evgenievna,
the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs,
Omsk, Russia

Supervisor:
DEZHNEV Alexander Sergeevich,
Professor, Department of Criminal Procedure, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor

ADMISSION AND REMOVAL OF LEGAL REPRESENTATIVES OF MINORS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND WAYS TO SOLVE THEM

Annotation. *This article examines problematic aspects of legal regulation of legal representation in Russian criminal proceedings. Based on an analysis of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, clarifications of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and scientific doctrinal approaches, the author examines the timing of admission of a minor's legal representative, the distinction between the categories of "non-admission" and "removal," and the grounds for applying these measures. The author identifies a regulatory imbalance manifested in the late admission of a representative, which fails to protect the rights of minors at the early stages of legal proceedings. The author substantiates the need for legislatively enshrining an earlier time for admission and differentiating between the procedures for "non-admission" and "removal." In conclusion, specific amendments to Article 426 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are proposed, aimed at enhancing the guarantees of the rights and legitimate interests of minors in criminal proceedings.*

Key words: *legal representative, minor, criminal procedure, admission, removal, protection of rights, legal interest, conflict of interest.*

Принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка, закрепленный в статье 3 Конвенции о правах ребенка [9], является фундаментальным ориентиром для определения процессуального статуса и момента допуска законного представителя в уголовном судопроизводстве. Согласно данному принципу, во всех действиях в отношении несовершеннолетних первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению их интересов. В контексте уголовного процесса это означает, что участие законного представителя должно быть обеспечено на самых ранних стадиях, поскольку несовершеннолетний в силу возрастных и психологических особенностей не способен в полной мере самостоятельно защищать свои права [10].

Вместе с тем действующее уголовно-процессуальное законодательство России, закрепляя обязательность участия законного представителя (ст. 48, 426 УПК РФ), содержит ряд существенных пробелов и противоречий, касающихся как момента допуска такого представителя, так и оснований и процедуры его отстранения. Эти пробелы порождают правовую неопределенность, создают риски нарушения прав несовершеннолетних и не в полной мере соответствуют международным стандартам отправления правосудия в отношении несовершеннолетних.

Законное представительство в уголовном процессе является заимствованным институтом, основные положения которого заложены в гражданском и семейном законодательстве. Именно поэтому в теории и практике используется термин «допуск», а не «назначение» : статус законного представителя возникает в силу закона вне рамок уголовного процесса, и должностное лицо, ведущее производство по делу, не обладает правом самостоятельно присваивать кому-либо этот статус. Судебная практика последовательно исходит из того, что признание лица законным представителем следователем или дознавателем недопустимо, поскольку последний не наделен такими полномочиями [3].

Привлечение законного представителя является обязательным условием предварительного расследования, выполнение которого возложено на следователя (дознавателя) (ч. 3 ст. 16 и ч. 1 ст. 426 УПК РФ).

В научной литературе допуск законного представителя традиционно рассматривается как производное от правового статуса представляемого лица и не выделяется в качестве самостоятельного процессуального института. Однако, подобный подход, сводящий допуск исключительно к производной от статуса представляемого лица, не отражает реального значения данного процессуального действия. Допуск следует рассматривать не только как формальное признание участия, но и как механизм, определяющий пределы и качество дальнейшего процессуального взаимодействия между следователем, судом, защитником и несовершеннолетним. Именно на стадии допуска закладываются предпосылки как для эффективной защиты прав несовершеннолетнего, так и для возможных процессуальных нарушений, способных повлечь признание доказательств недопустимыми [12].

Особое значение для обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетнего имеет вопрос о моменте допуска законного представителя к участию в уголовном судопроизводстве. Согласно ч. 1 ст. 426 УПК РФ, участие законного представителя связывается с проведением первого допроса. Следовательно, даже при наличии установленной законом обязанности незамедлительно уведомить законного представителя о задержании несовершеннолетнего (ч. 3 ст. 423 УПК РФ), его фактическое включение в досудебное производство происходит лишь с момента первого допроса в соответствующем статусе [11, с. 42]. Лишь вынесение и приобщение к материалам дела постановления о допуске позволяет установить фактическую дату вступления представителя в процесс.

Дискуссионность определения момента допуска обусловлена тем, что законодательная привязка к первому допросу оставляет без правовой защиты интересы несовершеннолетнего на более ранних этапах. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что уже на первоначальном этапе – при проверке сообщения о преступлении нередко возникают обоснованные предположения о причастности несовершеннолетнего к совершению противоправного деяния. В таких случаях в соответствии с частью 1 статьи 144 УПК РФ проводятся различные процессуальные действия, фактически ориентированные на изобличение подростка [12, с. 126]. Более того, после внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом от 4 марта 2013 г. [13], стало допустимым проведение и отдельных следственных действий, содержащих элементы процессуального принуждения и способных нарушить конституционные права ребенка, в частности получение образцов для сравнительного исследования и назначение судебной экспертизы.

Как справедливо указывает Ш.Ф. Багаутдинов, существует масса ситуаций, которые не подпадают под данное положение закона: проведение доследственной проверки с широким спектром процессуальных действий; выполнение с участием несовершеннолетнего, имеющего статус свидетеля, следственных действий (очные ставки, опознания), напрямую направленных на его изобличение; проведение обыска и

выемки по месту жительства несовершеннолетнего и т.д. [4, с. 116]. Отсутствие прямого нормативного регулирования данного аспекта компенсируется лишь разнообразными научными подходами, однако подобная неопределенность фактически предоставляет следователю или дознавателю возможность уклониться от привлечения законного представителя на указанных этапах без риска наступления процессуальной ответственности.

Особенно показательной является позиция Комитета ООН по правам человека, который в деле Вячеслава Бережного констатировал нарушение в связи с тем, что мать несовершеннолетнего была допущена к участию в деле в качестве законного представителя лишь спустя два месяца после ареста сына [14]. По оценке Комитета, столь позднее привлечение законного представителя лишило несовершеннолетнего возможности своевременно сформировать эффективную линию защиты и получить необходимую психологическую поддержку.

В этой связи видится правильным более ранний момент допуска законного представителя – с начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы проверяемого лица, или с момента приобретения несовершеннолетним статуса подозреваемого/обвиняемого, по аналогии с правилами допуска защитника.

Законодатель ведет речь о допуске законного представителя, но не говорит об отказе в допуске данного лица к участию в деле. Частично этот пробел восполняется постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (далее – постановление Пленума № 1), в котором разъяснена возможность отказа в доступе к участию в деле законных представителей, совершивших преступление совместно с несовершеннолетним, либо в отношении которых несовершеннолетний совершил преступление [15].

Принципиально важным является разграничение «недопуска» (отказа в допуске) и отстранения. «Недопуск» представляет собой стадию предварительной процессуальной проверки, в рамках которой устанавливается наличие правовых и фактических предпосылок для приобретения лицом статуса законного представителя. На данном этапе процессуальный статус еще не возник, а потому речь идет не о лишении права, а о решении вопроса о его возникновении. Отстранение же – это мера процессуального реагирования, применяемая к уже допущенному участнику, обладающему установленным законом объемом прав и обязанностей. В этом случае происходит принудительное прекращение ранее возникшего процессуального статуса, что по своей природе является ограничением процессуальных гарантий и требует более строгого обоснования.

Если отстранение – это ограничение уже реализуемой гарантии, то не логичнее ли сместить акцент на качественную процедуру предварительной оценки при допуске, чтобы минимизировать необходимость последующего отстранения? Ответ, по нашему мнению, должен быть положительным.

Возникает закономерный вопрос, что считать основанием для отказа в допуске законного представителя, помимо тех, что уже имеются (в постановлении Пленума № 1).

К одному из таких оснований, по нашему мнению, может относиться состояние здоровья. В этом контексте показательным является пример из судебной практики, когда законным представителем несовершеннолетнего Ш. выступал его отец, имеющий II группу инвалидности по зрению. Верховный Суд РФ указал, что физический недостаток сам по себе не является препятствием для реализации родителем прав законного представителя, поскольку отец не был признан судом ограниченно дееспособным или недееспособным, осознавал суть процессуальных действий и мог знакомиться с материалами дела альтернативным способом [8].

Вместе с тем данный пример поднимает вопрос о реальной, а не формальной эффективности участия законного представителя, имеющего физические недостатки. Хотя такое лицо и не причиняет вреда несовершеннолетнему, его возможности по действенной защите прав подопечного существенно ограничены. В подобных случаях участие представителя рискует превратиться в формальное соблюдение требований закона. В связи с этим при отсутствии иных законных представителей обоснованно привлекать к участию в деле представителя органа опеки и попечительства.

Также заслуживает внимания проблема участия в качестве законных представителей лиц, больных хроническим алкоголизмом или наркоманией. Как отмечает И.С. Дикарев, в распоряжении государственных органов, работающих в сфере уголовной юстиции, оказываются подтвержденные доказательствами достоверные сведения, указывающие на наличие оснований для принятия решения о лишении родительских прав. Однако реализовать указанный правозащитный потенциал в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства невозможно [7]. Познавательные ресурсы уголовного судопроизводства дают возможность полно и всесторонне исследовать обстоятельства дела, включая вопросы, связанные с лишением родительских прав. Объединение этих производств позволило бы оперативно восстанавливать нарушенные права несовершеннолетних и существенно экономить процессуальные ресурсы, исключая па-

раллельное разбирательство в порядке гражданского процесса. Несмотря на очевидный потенциал такого механизма, его внедрение в текущую модель ювенальной юстиции в настоящее время маловероятно.

Термин «недопуск» употребляется в УПК РФ применительно к иным участникам уголовного процесса: защитнику, представителю потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика. Согласно ст. 72 УПК РФ, указанные лица не вправе участвовать в производстве по делу, если имеются обстоятельства, ставящие под сомнение их способность действовать объективно либо в интересах участников процесса. Данный подход вполне применим и к законному представителю несовершеннолетнего.

Участие законного представителя направлено прежде всего на обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего. Если имеются данные о том, что конкретное лицо действует вопреки интересам несовершеннолетнего, находится с ним в конфликте, оказывает давление либо иным образом может повлиять на его процессуальное положение, допуск такого лица к участию в деле противоречил бы самому назначению функции законного представительства. Более того, подобная ситуация может привести к нарушению права несовершеннолетнего на справедливое разбирательство и эффективную защиту.

В связи с этим представляется обоснованным нормативно закрепить возможность отказа в допуске законного представителя в случаях, когда еще до начала его участия в уголовном процессе установлены обстоятельства, свидетельствующие о наличии конфликта интересов либо иных факторов, способных причинить вред правам и законным интересам несовершеннолетнего. Такое решение должно приниматься дознавателем, следователем или судом и оформляться мотивированным постановлением.

При этом важно определить место такой нормы в системе УПК РФ. Предложение о нормативном закреплении «недопуска» путем внесения изменений в ст. 72 УПК РФ представляется не вполне корректным с точки зрения системного построения закона. Ст. 72 УПК РФ регулирует общий институт отвода участников судопроизводства, устанавливая основания, при наличии которых лицо подлежит устранению от участия в деле. Законный представитель несовершеннолетнего по своей правовой природе занимает иное положение: его участие обусловлено спецификой производства по делам в отношении несовершеннолетних и направлено на обеспечение дополнительных гарантий защиты их прав. Особенности участия законного представителя урегулированы специальной главой 50 УПК РФ, в частности статьей 426. Таким образом, закрепление соответствующего положения именно в ст. 426 УПК РФ позволит подчеркнуть, что «недопуск» является специальной гарантией, применяемой исключительно в рамках производства по делам данной категории.

При этом закрепление в законе исчерпывающего перечня обстоятельств, приводящих к отказу в допуске, видится нецелесообразным, поскольку возможные ситуации, при которых участие законного представителя может противоречить интересам несовершеннолетнего, отличаются значительным многообразием. Закрепление исчерпывающего перечня неизбежно приведет к тому, что ряд ситуаций, объективно препятствующих эффективной защите, окажется вне сферы правового регулирования. Более целесообразным является закрепление общего правила, согласно которому законный представитель может быть не допущен к участию, если имеются сведения о наличии конфликта интересов либо иных обстоятельств, способных препятствовать надлежащей защите его прав и законных интересов.

В УПК РФ дважды применительно к производству по уголовным делам в отношении несовершеннолетних предусматривается возможность отстранения от участия в деле законных представителей (ч. 4 ст. 426; ч. 2 ст. 428 УПК РФ). Это происходит в тех случаях, когда их действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого, подсудимого).

Ключевым вопросом при решении проблемы отстранения является оценка того, причиняет ли участие законного представителя ущерб интересам несовершеннолетнего. В действующем законодательстве данная категория не раскрыта, что обусловливает ее оценочный и субъективный характер. Законодатель не раскрывает содержание понятия «ущерб». Ясно лишь то, что ущерб уже наносится, т.е. его можно воспринять и оценить. Задача следователя, дознавателя или судьи в том, чтобы наносимый ущерб не стал еще больше [5].

В постановлении Пленума № 1 разъясняется, что к действиям, наносящим ущерб интересам несовершеннолетнего подсудимого, следует относить невыполнение обязанностей, вытекающих из статуса законного представителя, в том числе по воспитанию несовершеннолетнего, либо уклонение от участия в деле в качестве законного представителя, а равно злоупотребление процессуальными и иными правами, отрицательное влияние на несовершеннолетнего, создание препятствий для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела (п. 11).

Рассматриваемые нормы обязывают правоприменителя выявлять индивидуальные инте-

ресы несовершеннолетнего и сопоставлять их с интересами семьи. Сложность заключается в том, что подросток в силу возраста и недостатка жизненного опыта зачастую не способен осознать свои подлинные интересы. В итоге оценку этих интересов вместо родителя вынужден давать следователь, дознаватель или судья – лицо, процессуально чуждое несовершеннолетнему. В досудебном производстве следователь и несовершеннолетний обвиняемый отстаивают разные интересы: следователь – публичный, а несовершеннолетний – частный [6, с. 345]. Это объективное противоречие, по всей видимости, предопределило императивный характер ст. 48 УПК РФ, обязывающей привлекать законных представителей. Их участие, наряду с защитником (п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ), служит гарантией от возможных злоупотреблений со стороны следователя, а в отсутствие родителей к делу подключаются органы опеки (п. 12 ст. 5 УПК РФ).

В науке предлагаются различные классификации форм ущерба интересам несовершеннолетнего [1, с. 17-18; 10, с. 60; 16, с. 110]. Среди них можно выделить : ущерб от активных действий (давление на потерпевшего или свидетелей, уничтожение доказательств); ущерб от бездействия (необжалование незаконных решений); ущерб от создания конфликта интересов; ненадлежащее исполнение родительских обязанностей, наличие фактов давления на ребенка и другие.

Несмотря на обоснованность стремления к конкретизации, закрепление в законе исчерпывающего перечня действий, причиняющих ущерб, видится нецелесообразным. Невозможно предусмотреть все многообразие жизненных ситуаций, а четкий перечень создаст риск формального подхода, когда даже при очевидном ущербе, но при отсутствии прямого указания в перечне, законный представитель не будет отстранен. Именно оценочный характер категории «ущерб интересам» в данном случае позволяет учитывать конкретные обстоятельства дела и индивидуальные особенности представляемого лица.

Вместе с тем для устранения пробела в правовом регулировании необходимо предусмотреть в УПК РФ норму, закрепляющую перечень обязанностей законных представителей по защите интересов представляемых лиц, а также установление юридической ответственности за их несоблюдение. Такой подход позволит суду и следствию объективно оценивать наличие ущерба, не прибегая к формальной детализации его видов.

Важно обратить внимание на разъяснение Верховного Суда РФ, относящее к действиям, наносящим ущерб, уклонение законного представителя от участия в деле. Однако неявка законного представителя в суд без уважительных причин, свидетельствуя о его нежелании исполнять свои обязанности, одновременно способна парализовать отправление правосудия с учетом императивного требования ст. 48 УПК РФ об обязательном участии законного представителя. Более того, многие процессуальные действия представителя, которые формально можно счесть «ухищрениями», на деле могут быть продиктованы стремлением защитить интересы подростка в условиях уголовного преследования. Ущерб в таких случаях выражен неявно, что ставит под сомнение обоснованность отстранения.

Неоднозначно следует оценивать и злоупотребление правами, особенно если оно выражается в создании препятствий для выяснения обстоятельств дела. Согласно разъяснениям постановления Пленума № 1, это также наносит ущерб интересам несовершеннолетнего. Однако необходимо учитывать, что сам несовершеннолетний далеко не всегда заинтересован в установлении тех или иных фактов: если они изобличают его, их выявление противоречит его субъективным интересам; если же реабилитируют – напротив, соответствует им. Данный вывод вытекает из современной идеологии УПК РФ, ориентированной на защиту прав несовершеннолетних от уголовного преследования, где воспитательная функция уступила место охранительной.

В правоприменительной практике отстранение законного представителя нередко вызывает сложности, связанные с оценкой наличия ущерба. Показательным является пример из судебной практики, когда при расследовании уголовного дела в отношении несовершеннолетнего З. следователем был привлечен законный представитель, который заявил об отсутствии неприязненных отношений к З. Однако еще на стадии предварительного следствия законный представитель согласился с мнением следователя о необходимости применения к З. меры пресечения в виде заключения под стражу, тогда как последний просил оставить его на свободе. В ходе судебного заседания законный представитель ни разу не поддержал мнение своего представляемого по заявленным ходатайствам, оставляя их разрешение на усмотрение суда и поддерживая мнение стороны обвинения [2]. Данный случай наглядно демонстрирует ситуацию, когда формальное участие законного представителя не только не обеспечивает защиту интересов несовершеннолетнего, но и прямо противоречит им, что должно влечь отстранение.

При решении вопроса об отстранении важно учитывать, что для этого не требуется вступившего в законную силу приговора или иного судебного решения, подтверждающего факт совершения представителем противоправных действий. Достаточно наличия совокупности доказа-

тельств, дающих основание полагать, что такие действия имели место либо что существует реальная угроза их совершения. Бремя доказывания наличия оснований для отстранения лежит на должностном лице, принявшем решение об отстранении. Само по себе несогласие законного представителя с действиями следователя или с позицией защитника, его эмоциональное поведение, отдельные нарушения процессуального регламента не могут служить достаточным основанием для отстранения, если они не причиняют реального ущерба интересам представляемого.

Важным аспектом является вопрос о том, должно ли отстранение законного представителя быть окончательным либо возможно его восстановление в этом качестве после устранения обстоятельств, послуживших основанием для отстранения. Закон не регулирует этот вопрос. Представляется, что в случаях, когда основания для отстранения носят временный характер (например, болезнь законного представителя, временный конфликт с представляемым), возможно его последующее восстановление при условии, что это не противоречит интересам представляемого лица и не нарушает прав других участников процесса.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы и предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства:

Установлено, что действующее уголовно-процессуальное законодательство связывает участие законного представителя несовершеннолетнего преимущественно с моментом первого допроса подозреваемого или обвиняемого, что приводит к нормативному дисбалансу и фактическому вовлечению несовершеннолетнего в процессуальную деятельность на более ранних стадиях без должных гарантий защиты его прав. Допуск законного представителя должен осуществляться с начала процессуальных действий, затрагивающих права и свободы проверяемого лица, или с момента приобретения несовершеннолетним статуса подозреваемого/обвиняемого, по аналогии с правилами допуска защитника.

Следует дополнить ст. 426 УПК РФ частью, регламентирующей основания и порядок «недопуска» законного представителя при наличии обстоятельств, свидетельствующих о конфликте интересов или невозможности надлежащего выполнения функции законного представительства, с вынесением мотивированного постановления.

Законодательное закрепление исчерпывающего перечня действий, причиняющих ущерб интересам несовершеннолетнего, является нецелесообразным и потенциально вредным. Это обусловлено невозможностью предусмотреть все многообразие жизненных ситуаций, а также риском формального подхода.

В целях устранения пробела в правовом регулировании и придания категории «ущерб» более определенного содержания предложено дополнить УПК РФ нормой, закрепляющей перечень обязанностей законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых по защите прав и интересов представляемых лиц, а также установить процессуальную ответственность за их несоблюдение. Такой подход позволит суду и следствию объективно оценивать наличие ущерба, не прибегая к формальной детализации его видов.

Отстранение законного представителя не всегда должно носить необратимый характер. В случаях, когда основания для отстранения носят временный характер (болезнь, краткосрочный конфликт, стечение обстоятельств), представляется допустимым последующее восстановление лица в статусе законного представителя после устранения соответствующих обстоятельств и при условии, что это не нарушит права иных участников процесса.

Для отстранения законного представителя не требуется вступившего в законную силу приговора или иного судебного решения, подтверждающего факт совершения им противоправных действий. Достаточным основанием является наличие совокупности доказательств, дающих основания полагать, что такие действия имели место либо существует реальная угроза их совершения. Бремя доказывания наличия оснований для отстранения лежит на должностном лице, принявшем такое решение.

Реализация предложенных изменений позволит существенно усилить гарантии защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, повысить эффективность реализации функции законного представительства и привести российское законодательство в соответствие с международными стандартами отправления правосудия в отношении несовершеннолетних.

Список литературы:

[1] Авилиани К. А. Особенности досудебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних : автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Москва, 2009. 26 с.

[2] Апелляционное определение от 08 апреля 2015 г. по делу № 22-337АП/2015.

[3] Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Алтай от 17 января 2019 г. по делу № 22-19/2019.

[4] Багаутдинов Ш. Ф. Законные представители несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого, подсудимого в уголовном судопроизводстве // ЮП. 2021. № 4 (99). С. 114-120.

[5] Дежнев А. С. Определение ущерба интересам несовершеннолетнего при отстранении законного представителя от участия в производстве по уголовному делу // Уголовное право. 2011. № 2. С. 87–93.

[6] Дежнев А. С. Охрана интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе России: диссертация ... доктора юридических наук. Омск, 2013. 464 с.

[7] Дикарев И. С. Лишение родительских прав в уголовном процессе // Рос. юстиция. 2009. № 10. С. 56–59.

[8] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2009 г. № 29-О09-10 // СПС «КонсультантПлюс».

[9] Конвенция о правах ребенка // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 45, ст. 3.

[10] Корякина З. И. О некоторых особенностях процессуального положения законного представителя в уголовном судопроизводстве / З.И. Корякина // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия «История. Политология. Право». 2020. № 4 (20). С. 57-62.

[11] Ларинков А. А. Участие в ходе предварительного расследования законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых / А.А. Ларинков // Криминалистъ. 2010. № 2(7). С. 41-46.

[12] Машинская Н. В. Гарантии прав законного представителя несовершеннолетнего, совершившего преступление, в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 125-129.

[13] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ: принят Гос.Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19 февр. 2013 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 20 февр. 2013 г. // Рос. газ. 2013. 6 марта.

[14] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

[15] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

[16] Черепчук О. П. Особенности защиты прав несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в случае отстранения законного представителя в производстве по уголовному делу / О.П. Черепчук // Теория и практика современной науки : Сборник материалов XIV-ой международной очно-заочной научно-практической конференции. Москва: НЦ «Издание», 2024. С. 110.

References:

[1] Aviliani K.A. Features of pre-trial criminal proceedings against minors: abstract dis.... Candidate of Law. Moscow, 2009. 26 pp.

[2] Appellate ruling dated April 08, 2015 in case No. 22-337AP/2015.

[3] Appeal ruling of the Supreme Court of the Altai Republic dated January 17, 2019 in case No. 22-19/2019.

[4] Sh. F. Bagautdinov. Legal representatives of the minor accused, suspect, defendant in criminal proceedings // UP. 2021. № 4 (99). S. 114-120.

[5] Dezhnev A. S. Determination of damage to the interests of a minor when removing a legal representative from participation in criminal proceedings // Criminal law. 2011. № 2. S. 87-93.

[6] Dezhnev A. S. Protection of the interests of families and minors in the criminal process of Russia: dissertation... Doctor of Law. Omsk, 2013. 464 p.

[7] Dikarev I. S. Deprivation of parental rights in criminal proceedings // Ros. justice. 2009. № 10. S. 56-59.

[8] Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2009 No. 29-O09-10 // SPS "ConsultantPlus.".

[9] Convention on the Rights of the Child // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR. 1990. No. 45, Art. 3.

[10] Koryakin Z.I. On some features of the procedural position of the legal representative in criminal proceedings / Z.I. Koryakin // Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. Series "History. Political science. Right." 2020. № 4 (20). C. 57-62.

[11] Larinkov A.A. Participation in the preliminary investigation of legal representatives of juvenile suspects accused / A.A. Larinkov // Criminalist. 2010. № 2(7). S. 41-46.

[12] Mashinskaya N.V. Guarantees of the rights of the legal representative of a minor who has committed a crime, at the stage of initiating a criminal case // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2014. № 5. S. 125-129.

[13] On amending Articles 62 and 303 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: feder. law Ros. Federation No. 23-FZ dated March 4, 2013: adopted by the State Duma Feder. Sobr. Grew. Federations Feb. 19 2013: approver Feder Federation Council. Sobr. Grew.

Federations Feb. 20 2013 // Ros. gas. 2013. March 6.

[14] Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2017) (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 26.04.2017) // SPS "ConsultantPlus.".

[15] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 1, 2011 No. 1 "On the judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal liability and punishment of minors" // SPS "ConsultantPlus".

[16] Cherepchuk O.P. Peculiarities of Protection of the Rights of Juvenile Suspects Accused in Case of Removal of Legal Representative in Criminal Proceedings / O.P. Cherepchuk // Theory and Practice of Modern Science: Collection of Materials of the XIVth International Part-time Scientific and Practical Conference. Moscow: NC "Edition," 2024. S. 110.

